

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-4-138-147

УДК 297

Содержание статьи

Информация о статье

*А.Ф. Поломошнов*¹
*П.А. Поломошнов*²

Введение
Антропология трансгуманизма¹⁴⁰
Исламская антропология и
гуманизм
Заключение

Поступила в редакцию: 17.10.2019.
Передана на рецензию: 21.10.2019.
Получена рецензия: 19.11.2019.
Принята в номер: 17.12.2019.

Ислам и трансгуманизм: противоположность гуманистического потенциала антропологических концепций

Донской государственный аграрный университет; paf1@mail.ru

Ростовский государственный экономический университет; _platon_@list.ru

В статье проведен анализ принципиального различия антропологических концепций и гуманистического потенциала ислама и трансгуманизма. В контексте современного кризиса классического гуманизма актуализируется вопрос о месте и роли традиционных, религиозных идеологий в современной ситуации острой конкуренции альтернативных концепций гуманизма. В связи с тем, что трансгуманизм идеализирует дегуманистические трансформации постиндустриального общества, авторы ставят вопрос о том, насколько актуален гуманистический потенциал традиционных религий, в том числе ислама, в противостоянии трансгуманизму. В статье рассматриваются ключевые положения антропологии ислама и трансгуманизма: концепция происхождения и природы человека, статус человека, смысл существования человека. В результате сравнительного анализа антропологических принципов ислама и трансгуманизма установлена их радикальная противоположность. Доказано, что теоцентричная антропология ислама обладает большим гуманистическим потенциалом, в отличие от антропологии трансгуманизма, которая является манифестацией дегуманистических тенденций современного постиндустриального общества. Авторы приходят к выводу о том, что ислам как гуманистическая идеология, имеющая мощную массовую основу, является эффективным щитом против идеологии трансгуманизма.

Ключевые слова: *ислам, религиозная антропология, постгуманизм, классический гуманизм, трансгуманизм.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-4-138-147

UDC 297

Content of the article

Information about the article

*A.F. Polomoshnov*³
*P.A. Polomoshnov*⁴

Introduction.
Anthropology of transhumanism.
Islamic anthropology and humanism.
Conclusion.

Received: 17.10.2019.
Submitted for review: 21.10.2019.
Review received: 19.11.2019.
Accepted for publication: 17.12.2019.

¹ Андрей Федорович Поломошнов – зав. кафедрой философии и истории Отечества, Донского государственного аграрного университета, д. филос. н., профессор.

² Платон Андреевич Поломошнов – доцент кафедры философии и культурологии, Ростовского государственного экономического университета, к. филос. н., доцент.

³ Andrew Fedorovich Polomoshnov – Head of Department of Philosophy and History of the Fatherland, Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Don State Agrarian University.

⁴ Platon Andreevich Polomoshnov – Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Rostov State University of Economics.

Islam and Transhumanism: the Antagonism of Humanistic Value of Anthropological Concepts

Don State Agrarian University; paf1@mail.ru

Rostov State University of Economics; _platon_@list.ru

The article is devoted to the analysis of the fundamental differences between the humanistic potential of Islam and transhumanism. In the context of modern crisis of classical humanism, the issue of the place and role of traditional religious ideologies in the current situation of intense competition of alternative concepts of humanism becomes actual. Since transhumanism idealizes the dehumanistic transformations of post-industrial society, the authors raise the question of how relevant the humanistic potential of traditional religions, including Islam, is in opposing transhumanism. The article discusses the key provisions of the anthropology of Islam and transhumanism: the concept of the origin and nature of man, the status of man, the meaning of human existence. As a result of a comparative analysis of the anthropological principles of Islam and transhumanism, their radical opposition is established. It is proved that the theocentric anthropology of Islam has a great humanistic value, in contrast to the anthropology of transhumanism, which is a manifestation of the dehumanistic tendencies of modern post-industrial society. The authors conclude that Islam is one of the humanistic ideologies that has a powerful mass basis today. It is an efficient protection against the anti-humanistic ideology of transhumanism.

Keywords: Islam, religious anthropology, posthumanism, classical humanism, transhumanism.

Введение

XXI век входит в мировую историю как эпоха глобального кризиса гуманизма в том его классическом виде, который развивался с эпохи Возрождения до XX века. Этот кризис, с одной стороны, ставит под вопрос как физическую, так и духовную природу человека, с другой стороны, трансформирует социальный идеал гуманизма, идеал общества, в котором личность, ее свободное и всестороннее развитие являются высшими ценностями.

Развитие генной инженерии, технологий трансплантации органов и создания искусственных органов, технологий создания киборгов девальвирует ценность и значение физического тела человека, данного ему от природы по рождению. Развитие информационных технологий, и в особенности технологий искусственного интеллекта, ставят под вопрос духовную природу человека как уникальной духовной сущности личности. Научно-технический прогресс, приведший к переходу к информационному, постиндустриальному обществу, породил не только потребительское изобилие, гигантское перепроизводство предметов потребления, но и глобальную проблему «лишних людей».

Экономический прогресс, стимулированный развитием техники и технологий, обернулся не построением глобального гуманистического общества, в котором было бы обеспечено реальное равенство основных прав человека, а уродливой олигархической системой экономики, основанной на монополизации большей части экономических ресурсов ничтожной кучкой сверхбогачей. Обратной стороной сверхбогатства олигархии является массовая застойная нищета большинства населения. Этот режим в результате капиталистической глобализации приобрел форму международной системы господства финансовой олигархии, когда целые страны и геополитические регионы превратились в мировых нищих изгоев. Совершенствование социальных институтов в обществе финансово-олигархического

капитализма привело к деформации демократии, превратившейся в эфемерную ширму, маскирующую жесткую диктатуру олигархии и тотальное отчуждение власти от населения.

Г.П. Меньчиков, характеризуя кризис классического гуманизма как результат современных глобальных проблем и антигуманного использования современных информационных технологий, выделяет абстрактную декларативность как его главный порок. «Классический гуманизм рационализируется, был и остается благим в своих пожеланиях, но декларативным, утопическим. Более того, будучи механистически-утилитарно-рационализируемым, гуманизм стал опасным, оказался и нередко остается ширмой для неблагоприятных действий» [11, с. 5].

Гуманизм как идеология, возводящая человека в высшую ценность, парадоксальным образом превращается в ширму тотальной дегуманизации современного общества и личности. Кризис гуманизма получает отражение в общественном сознании в самых разнообразных формах. «Классический гуманизм в современном мире и как социальный идеал, и как регулятивный принцип социальных отношений и социальной организации подвергается сомнению, критике и переоценке» [10, с. 81].

Одним из проявлений этого кризиса в сфере общественного сознания является идеология «трансгуманизма» с ее идеалом «постчеловека», которая позиционирует себя как новое слово в духовном развитии, как замену устаревшему классическому гуманизму. В связи с этой идеологией, которая фактически идеализирует все дегуманистические трансформации постиндустриального общества, возникает проблема: какая идеологическая система может эффективно противостоять этой откровенной апологии дегуманизации человека и общества. В частности, закономерно поставить вопрос о том, насколько актуален гуманистический потенциал традиционных религий, ислама в том числе, в противостоянии трансгуманизму.

Антропология трансгуманизма

Проанализируем вначале «новаторскую» антропологию трансгуманизма. Эта противоречивая идеология, с одной стороны, декларирует преемственность с классическим гуманизмом, а с другой – претендует на его преодоление, на новую ступень в развитии гуманизма. «Человек с неизбежностью должен переступить границы своего вида, потому что он уже не краса и цель творения, не пик эволюции, но только точка перехода от органической к технической эре, от мира природы к миру новой культуры, где возникают все более свободные от него, самодействующие силы разума» [6, с. 93].

Трансгуманизм подвергает радикальному пересмотру ключевой принцип гуманизма – антропоцентризм, рассматривая человека как несовершенное существо, эволюция которого должна быть продолжена и доведена до превращения человека в постчеловека. «В отличие от гуманизма постгуманизм не принимает антропоцентризма, подчеркивая, что человек представляет собой эволюционирующую часть природы, постоянно преобразаясь и изменяясь» [14, с. 40].

Антропоцентризм классического гуманизма в трансгуманизме отбрасывается в сторону во имя сомнительной идеи совершенствования природы человека. Основным средством перехода к постчеловеку является радикальное преобразование природы человека с помощью современных научных технологий. Генная инженерия должна по замыслу адептов трансгуманизма усовершенствовать тело человека путем моделирования его свойств. В дополнение к этому на основе информационных технологий предполагается осуществить синтез человеческого тела и искусственных

технических устройств, т. е. создание киборгов. «Именно киборг как постчеловек, тело которого представляет синтез биологической органики, модифицированной на генетическом уровне, и механически-электронных компонентов, является инвариантом сверхчеловека XXI в.» [3, с. 24].

Трансгуманизм не забыл позаботиться и о душе человека, которую сводит к некой информационной матрице, которую с помощью информационных технологий предполагается сделать независимой от тела как материального носителя и легко переносимой на новые физические носители. Такая жесткая программа перестройки человека, предполагающая фактически замену современного человека некими всемогущими и бессмертными киборгами, естественно, нуждается в гуманистической маскировке. Маскировка состоит в самом идеале постчеловека как бессмертного всемогущего существа. Трансгуманизм, наконец, доводит свою идею улучшения природы человека до логического конца, выдвигая тезис о замене традиционного человечества новым усовершенствованным человечеством. «Высокие цели эволюционного трансгуманизма определены пафосом стремления к неочеловечеству. Это цели кибернетического бессмертия, синтеза духовного и научного знания, создания социального субъекта» [4, с. 267].

Трансгуманизм по своей сути является деструктивной технократической утопией, которая, прежде всего, девальвирует и разрушает человека как уникальную личность. «Личность в постгуманизме – явление искусственное, потому что она становится результатом развития технических условий». Но трансгуманизм, разрушая традиционного человека как личность, как таинственное единство души и тела, разрушает и традиционные социокультурные ценности, и институты общества. «Здесь гуманистическая вера в безграничность возможностей разума человека может обернуться трагедией: искусственная научно-техническая реальность начнет превалировать, разрывая все связи с естественным, трансформируя человека, меняя ход времени и понятие пространства, нарушая баланс бытия» [14, с. 40].

Постчеловек оказывается приговором не только современному традиционному человеку, но и всему современному обществу. Постчеловек обретает сомнительные качества всемогущества и бессмертия слишком дорогой ценой – ценой уничтожения собственной личности, человеческой духовности. В результате этот суперчеловек утрачивает всякий смысл жизни и оказывается нежизнеспособным монстром. «Достижение бессмертия привело бы к упразднению тех общественных институтов, которые сами произошли во многом благодаря признанию человеческой конечности – семьи, государства, морали и много другого. Бессмертный был бы существом без надежд, страхов, радостей и смыслов» [6, с. 95]

Переход к трансгуманистическому постчеловеку неизбежно приведет к жесткому противостоянию постчеловечества и традиционного человечества. Фактически традиционное человечество превращается в главного антипода и оппонента постчеловечества. «Трансчеловечество – совокупность «постлюдей», и природа «постчеловека» является биокрибернетической. Формируемое на основе концепции трансгуманизма «трансчеловечество» фактически является основным противником «человечества» [7, с. 92].

Исламская антропология и гуманизм

Подобно тому, как в основе дегуманистического потенциала трансгуманизма лежит сомнительная антропология, основанная на идее конструирования нового совершенного постчеловека, в основе гуманистического потенциала ислама лежит антропология ислама, сочетающая принципы теоцентризма и антропоцентризма. Гуманистическим содержанием наполнены все компоненты исламской антропологии: учение о происхождении и сущности человека, о статусе человека и смысле его

существования в мире. Когда речь идет о гуманистическом потенциале антропологии ислама, встает проблема не доказательства его наличия, а, скорее, раскрытия его специфики по всем принципиальным пунктам этой антропологии.

Основанием гуманистической антропологии ислама является теоцентризм. Именно вера в Аллаха составляет гуманистическую прочную основу исламской антропологии. Исходный тезис исламской антропологии о сотворении человека Аллахом придает существованию каждого отдельного эмпирического человека некий высший духовный смысл. В отличие от христианства, также опирающегося на идею сотворения человека Богом, Аллах принципиально не антропоморфен и создает человека не по своему образу и подобию, а по своему замыслу о человеке. Можно сказать и по-другому: человек – существо, сотворенное Аллахом, но не богоподобное существо. «В отличие от христианства, допускающего воплощение в Боге отдельных антропоморфических признаков человека, ислам полностью исключает саму возможность антропоморфизации Бога» [8, с. 40].

Главное здесь, собственно, не вопрос об антропоморфной или неантропоморфной природе Бога, создающего человека, а тот принцип, что под существование человека подводится высшая, трансцендентная основа. Кстати, в этом смысле антропология ислама даже более последовательна, чем христианская антропология. «Бог никак не может воплотиться в человека, поскольку Он превосходит абсолютно все сущее» [12, с. 86].

Означает ли принципиальное различие неантропоморфной природы Бога и природы человека в исламе отрицание гуманизма и антропоцентризма? Очевидно, что никоим образом. Совершенно прав Магомедов К.М., утверждая, что «нужно признать диалектическое единство теоцентризма и антропоцентризма, в котором одно не исключает, а добавляет, обогащает и усиливает другое... Разве подлинный теоцентризм должен утверждаться через отказ от антропоцентризма?» [9, с. 32].

Итак, органическое сочетание теоцентризма с антропоцентризмом составляет специфическую особенность антропологии ислама, все ключевые положения которой проникнуты гуманистическим содержанием.

Содержание религиозного гуманизма ислама, в отличие от трансгуманизма, носит охранительный характер по отношению к традиционному человечеству, созданному Богом. Ислам принципиально отвергает деструктивную идею эволюции природы человека и тем более искусственного усовершенствования природы человека. Главным принципом гуманизма в исламе является его теоцентричность, исходя из которой определяются природа, статус и место человека в мире. «Ислам – воплощение гуманизма и теизма. Кроме того, возвеличивает человека перед другими созданиями Творца, основывается на вере, которая составляет ценностно-смысловую основу бытия верующего человека» [2, с. 174].

Гуманистический антропоцентризм ислама проявляется в концепции природы человека как творения Аллаха, наделенного им особыми качествами, отличающими его от всех других творений, – бессмертной душой, разумом, знанием имен всех вещей, которое ставит человека выше ангелов. «Человек, по исламу, является высшим существом, высшим творением Аллаха из всех созданий природы и окружающего мира. Он стоит выше всех земных и сверхъестественных существ» [2, с. 177].

С другой стороны, ислам не абсолютизирует человека как высшую ценность, а утверждает его покорность воле Аллаха, не обожествляет ни человека вообще, ни тем более отдельных личностей, к чему склонен атеистический гуманизм. Из особой природы человека в антропологии ислама выводится его особый статус в мире как наместника Аллаха на земле. Магомедов К.М. вполне обоснованно связывает с этим статусом человека гуманистический принцип его активной созидательной

деятельности в мире. «Наместнические функции были даны только человеку. Это означает, что он должен быть устроителем, распорядителем и созидателем по Божественному замыслу... Поэтому в текстах Корана и Сунны в эпицентре всех событий находится активный, действующий, созидающий и верующий в Аллаха человек. Разве это не антропоцентризм? Чего тут нет, что есть в европейском антропоцентризме и гуманизме?» [9, с. 32–33].

В связи с принципом активной созидательности человека как наместника Аллаха на Земле возникает проблема сочетания этого принципа с идеей покорности воле Аллаха и принципом предопределения, существующим в исламе. Действительно, на первый взгляд кажется, что трудно сочетать тезис о том, что человек – раб божий, целиком покорный воле Аллаха, и тезис о том, что человек – свободное, активно действующее существо. Однако специфический для ислама синтез теоцентризма и антропоцентризма позволяет разрешить эту ложную антиномию. Миссия активной деятельности по поддержанию установленного Аллахом миропорядка и является реализацией принципа покорности воле Аллаха. «Даже тогда, когда в Коране утверждается, что человек – раб Божий, это никак не означает отсутствия у человека социальной, нравственной, правовой и иной субъектности... Человек в исламе является не слепым и бессловесным существом, «говорящим орудием», как при рабовладении, а сознательным и активным орудием в руках Всемогущего Бога» [9, с. 34].

Важной проблемой исламской антропологии, как, впрочем, и любой религиозной антропологии, является проблема свободы воли и свободы выбора. Кажется, что исламский догмат о предопределении в принципе перечеркивает всякую возможность свободы человеческого поведения и тем самым существенно обедняет гуманистический потенциал ислама. Но такое толкование догмата о предопределении несостоятельно и ошибочно. На самом деле предопределение Аллаха оставляет человеку вполне достаточный диапазон свободы действий и свободы выбора, а также связанной с этим выбором ответственности. Воля Аллаха не отрицает воли человека, но лишь курирует и контролирует ее. «Абсолютного предопределения нет ни в одной религии, его нет и в исламе. В Коране постоянно подчеркивается, что между человеком и Богом осуществляется непрерывное *сотворчество* в мире. Природа этого сотворчества диалектична, здесь действует не только вектор абсолютного предопределения; одновременно осуществляется напряженная духовная связь человека с Богом» [9, с. 34–35].

При этом очень важно, что в исламе, в отличие от христианства, человек не является по природе своей склонным к греху, как, например, в христианском догмате о первородном грехе. Ислам отрицает природную порочность, греховность человека, но в то же время исходит из того, что установленная Богом природа и миссия человека не подлежат трансформации и пересмотру. «Ислам провозглашает, что человек рождается безупречным. Ислам не признает в человеке никакого изначального порока, он не видит в нем никакой первородной скверны» [2, с. 179]

Гуманизм ислама, опирающийся на принцип теоцентризма, имеет множество аспектов. Ислам волей Бога утверждает гуманное, бережное отношение к людям, животным и природе в целом. Он утверждает социальное равенство и справедливость, равенство верующих перед Аллахом независимо от национальности. Гуманизм ислама проявляется в заботе Аллаха о человеке, в предоставлении человеку свободы выбора, в отрицании принципиальной порочности человека, в возможности искупления грехов и исправления допущенных ошибок. Итак, можно констатировать, что неразрывная связь теоцентризма с антропоцентризмом составляет специфику и основу гуманистического потенциала ислама. «Антропоцентризмом и гуманизмом пронизана вся архитектура исламского вероучения» [9, с. 37].

теоцентрического гуманизма ислама проверена веками. «Гуманистической идеей проникнуты многие принципы ислама. Они составили основу жизни многих поколений людей. И до сих пор, несмотря на смену различных общественных систем, ислам служит человечеству, удовлетворяя духовные и материальные потребности людей» [2, с. 183].

Исламский гуманизм, основанный на теоцентризме, специфически сочетающемся с антропоцентризмом, естественно противостоит атеистическому антропоцентризму, абсолютизирующему человека и ведущему в конечном счете к культу его эгоизма, индивидуализма и материального утилитаризма. Ведь освобожденному от всяких высших трансцендентных оснований человеку не в чем и негде найти какой-то иной смысл существования, кроме культа самого себя и своих природных потребностей. Сомнительный гуманизм, абсолютизирующий природного, атомарного человека, действительно, не единственно возможная, да и не лучшая форма гуманизма. «Поэтому исламскому миру чужд антропоцентрический тип мышления с присущими ему индивидуализмом, эгоцентризмом, гедонизмом, ориентацией на материальный мир, проповедничеством стяжательства и обогащения во имя личных целей, стиранием культурного разнообразия, унификацией человечества, наконец, кризисом духовности. К такому «антропоцентризму» ислам действительно не имеет никакого отношения. Да это и не есть подлинный антропоцентризм: это, скорее, *эгоцентризм*, уродливая деформация настоящего антропоцентризма» [9, с. 32]. Новую версию подобной, даже не атеистической, а сверхатеистической, сверхчеловеческой антропологии предлагает сегодня трансгуманизм.

Каково же соотношение исламской антропологии и антропологии трансгуманизма? Они противоположны по всем пунктам. Если в исламе человек – творение Бога, обладающее неизменной, данной ему Аллахом природой, то в трансгуманизме постчеловек сам себя создает и пересоздает по своему произвольному умыслу и замыслу. Если в исламе, как и в любой традиционной религии, человек является единством смертного тела и бессмертной души как основы личностного начала, то в трансгуманизме постчеловек – это некая информационная матрица, независимая от материального носителя, которым может быть и не физическое тело, а некий искусственный механизм, произвольно меняющая своего материального носителя. Если в исламе человек обладает свободой, но ограниченной волей Аллаха, а также вытекающей из этой свободы ответственностью и возможностью спасения индивидуальной, неповторимой души, то в трансгуманизме одновременно с элиминацией понятия «душа» исключается и проблема свободы выбора и «спасения души». В трансгуманизме «свобода» постчеловека превращается в абсолютный, ничем не ограниченный, и поэтому совершенно бессодержательный и разрушительный для самого себя произвол деятельности сверхчеловеческого, обезличенного, деиндивидуализированного «разума».

Если в исламе утверждается бессмертие души в потустороннем, сверхъестественном мире и смертность физического тела, то в трансгуманизме предлагается программа физического, телесного бессмертия в сочетании с бессмертием сознания как некой информационной матрицы. Такое бессмертие практически обесценивает физическую жизнь, т. к. только утверждаемая религией принципиально иная сверхъестественная реальность и жизнь души человека в ней после физической смерти, придает особую ценность и высший смысл физической жизни человека в этом посюстороннем мире.

Если в исламе четко фиксируется заданный Аллахом статус человека как наместника Бога на Земле, то в трансгуманизме предпринимается очередная дерзкая

попытка исключить, заместить Бога, но уже не человеком, а постчеловеком как всемогущим и вольным конструктором самого себя и реконструктором окружающей реальности. В исламе человек – раб Аллаха и его наместник на Земле, а в трансгуманизме постчеловек – замена Богу, некий технологический эрзац Бога, обожествленный деперсонифицированный киборг.

Заключение

Исходя из противоположности исламской и трансгуманистической антропологии, оценим гуманистическое содержание традиционного, «консервативного» (по мнению его критиков) ислама и модного, современного трансгуманизма. Здесь мы видим также полную противоположность теоцентрического гуманизма ислама и антигуманистического, сверхчеловеческого, постчеловеческого трансгуманизма. Человек духовный, верующий, покорный воле Аллаха в исламе противостоит монстру абсолютно свободного и ничем, кроме своей воли, не ограниченного постчеловека-киборга в трансгуманизме.

В исламе существуют божественные заповеди как форма трансцендентной природы божественного управления человеком, предполагающей нравственную свободу, свободу воли и свободу выбора личности. Трансгуманизм превращает проблему нравственной природы поведения личности в вопрос технического манипулирования с помощью инструкций, разрабатываемых привилегированной кастой администраторов. При этом абсолютный произвол администраторов (безнравственная свобода конструирования псевдо-морали постчеловека) в регулировании поведения людей превращается в столь же абсолютное рабство масс, управляемых с помощью технологий манипулирования сознанием. Здесь мы имеем антитезу нравственной свободы и амбивалентного сочетания тотального произвола и рабства.

Ислам отстаивает принцип личностной уникальности и выдвигает идеал правоверного мусульманина, добровольно и последовательно следующего заповедям Аллаха и стремящегося тем самым к спасению души. Трансгуманизм выдвигает анти-идеал «бессмертного», но по сути, нежизнеспособного, сверх- или постчеловека, лишенного нравственных ориентаций и высшего духовного смысла жизни, но наделенного большим материальным могуществом чудовища.

Оценим, каковы на сегодняшний день перспективы противостояния этих форм гуманизма. Ислам сегодня – одна из гуманистических идеологий, имеющих мощную массовую основу. Она владеет сознанием сотен миллионов людей, определяет социальные идеалы в исламских государствах и является эффективным щитом против антигуманистической идеологии трансгуманизма. Трансгуманизм – новая идеологическая система, отражающая интересы современной мировой олигархии, распространенная среди относительно небольшой части интеллектуальной элиты общества. Однако это именно та часть элиты, которая контролирует современные СМИ, духовную политику и институты духовной жизни общества. Используя этот технический потенциал, олигархическая элита вполне способна реализовать попытку внедрения трансгуманизма в массовое сознание и вытеснения из него всех форм традиционного гуманизма, в том числе и религиозного.

Овладеть массовым сознанием не просто. Все формы традиционного гуманизма должны вести активную борьбу разновидностями антигуманизма, в особенности с идеологией трансгуманизма, маскирующегося под самый современный и передовой гуманизм. О. Хаксли, спустя 27 лет после написания своей мрачной антиутопии «О новый дивный мир», еще в третьей четверти XX века говорил, что «под действием неподвластных нам факторов все мы движемся к кошмару Дивного Нового мира, и представители коммерческих и политических организаций сознательно способствуют

этому, используя новые техники манипулирования мыслями и чувствами масс в интересах определенного меньшинства» [13, с. 13]. Чтобы не сбылись циничные «прогнозы» одного из основоположников идеологии трансгуманизма О. Хаксли, исламское сообщество в союзе с сообществами других традиционных гуманистических религий должны вести непримиримую борьбу с дегуманистической идеологией трансгуманизма и ей подобными, борьбу за умы, сердца и души верующих и пока не верующих народных масс.

Литература

1. Абдулагатов З.М. Приоритеты нравственных ориентиров дагестанского мусульманина (по результатам социологических опросов) // Исламоведение. – 2009. – № 1. – С. 123–137.
2. Акбашева Д. О проблеме гуманизма в исламе // Россия и мусульманский мир. – 2005. – № 10. – С. 173–183.
3. Беляев Д.А. Постчеловек как тип сверхчеловека техногенной культуры XXI в. // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 8. – С. 23–24.
4. Джослин К., Турчин В. Кибернетический манифест // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. – М., 2013.
5. Кармадонов О.А. Ислам и современность: некоторые подходы // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 2. – С. 115–126.
6. Карпинский В.В. Трансгуманизм: сущность, проблемы, противоречия // Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1: Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2014. – № 1. – С. 90–96.
7. Комлева Н.А. Постчеловечество vs Человечество // Пространство и время. – 2013. – № 2(12). – С. 89–92.
8. Курбанов М.Г. Философское понимание человека в религиозных образах христианства и ислама // Исламоведение. – 2014. – № 2. – С. 39–44.
9. Магомедов К.М. Ислам: теоцентризм vs антропоцентризм? // Исламоведение. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 30–39.
10. Маслова Е.С., Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Идентичность и гуманизм в эпоху трансформации. – поселок Персиановский: Донской ГАУ, 2019. – 222 с.
11. Меньчиков Г.П. Гуманизм классический, неклассический и неоклассический // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 1. – С. 4–12.
12. Рамазанов К. Обряд жертвоприношения в исламе. – Махачкала. 2009
13. Хаксли О. Возвращение в новый дивный мир. – М.: Аст, 2015. – 256 с.
14. Яковлева Е.Л. Вектор движения: гуманизм – постгуманизм – трансгуманизм – техногуманизм – гуманизм // Балтийский гуманитарный журнал. – 2014. – № 2 (7). – С. 40–42.

References

1. Abdulagatov Z. M. Priorities of Moral Orientations of a Dagestani Muslim (based on sociological surveys). *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2009, № 1. P. 123–137. (in Russian)
2. Akbasheva D. To the Problem of Humanism in Islam. *Russia and the Muslim World*. 2005, № 10. P. 173–183. (in Russian)
3. Belyaev D. A. Posthuman as a Type of Superhuman of the 21st Century Technogenic Culture. *Theory and Practice of Public Development*. 2011, № 8. P. 23–24. (in Russian)

4. Jocelyn K., Turchin V. *Cybernetic Manifesto. Global future 2045. Convergent Technologies (NBICS) and Transhumanistic Evolution*. Moscow, 2013. (in Russian)
5. Karmadonov O.A. Islam and Modernity: Some Approaches. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2009, № 2. P. 115–126. (in Russian)
6. Karpinsky V.V. Transhumanism: Essence, Problems, Contradictions. *Vestnik Grodnenskogo zargari inversetime Yank Kupala [Bulletin of Yanko Kupala Grodno State University]*. 2014, № 1. Pp. 90–96. (in Ukrainian)
7. Komleva N.A. Posthuman Humanity. *Space and Time*. 2013, № 2 (12). P. 89–92. (in Russian)
8. Kurbanov M.G. Philosophical Understanding of Man in Religious Images of Christianity and Islam. *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2014, № 2. P. 39–44. (in Russian)
9. Magomedov K.M. Islam: Theocentrism vs Anthropocentrism? *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2018. Vol. 9, № 3. P. 30–39. (in Russian)
10. Maslova E. S. Identity and Humanism in the Era of Transformation. Persianovsky Settlement. Don State Agrarian University, 2019. 222 pp. (in Russian)
11. Menchikov G.P. Classical, Non-classical and Neoclassical Humanism. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2012, № 1. P. 4–12. (in Russian)
12. Ramazanov K. *Rite of Sacrifice in Islam*. Makhachkala. 2009. (in Russian)
11. Huxley A. *Brave New World Revisited*. Moscow: AST, 2015. 256 p. (in Russian)
12. Yakovleva E.L. Movement Vector: Humanism – Posthumanism – Transhumanism – Technohumanism – Humanism. *Baltic Humanitarian Journal*. 2014, № 2 (7). Pp. 40–42. (in Russian)